

«ПЕСОК ЖЕЛАНИЯ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Катерина Снежная

18+

Катерина Снежная

Песок желания

<https://litres.ru/74177192>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она привыкла доверять только сухим цифрам и контрактам. Но в его правилах — забирать всё и не оставлять шансов разуму.

Теона Никонова — успешный страховой агент. Она прагматична, цинична и абсолютно не верит в любовь. В её жизни всё просчитано до мелочей, а чувства — это лишь досадный риск, который стоит исключить. Но когда судьба сталкивает Теону с властным и бескомпромиссным Рамилем, идеальный контроль рушится. Между ними мгновенно вспыхивает глухое, опасное напряжение.

Они — из совершенно разных миров, и их цели противоречат друг другу. Но жестокие обстоятельства не оставляют выбора: чтобы спасти свои семьи, Теона и Рамиль вынуждены заключить опасный союз и работать вместе.

Сможет ли Теона защитить свое сердце, когда совместное дело превратится в игру на выживание, а раскаленный песок чужого желания начнет плавить её ледяную броню?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Катерина Снежная

Песок желания

Пролог

Воздух в шатре дрожал от натянутых струн уда — густой, липкий, оседающий на языке вкусом чужой власти. Я стояла в центре. Многослойная, расшитая жесткими камнями ткань платья до синяков врезалась в ключицы, тянула к коврам, как кандалы, а многорядный жемчуг на шее перекрывал сонную артерию — настоящий ошейник. Пальцы дяди впились в мое предплечье так, что кости трещали под кожей, но я держала подбородок ровно, не опуская глаз.

Передо мной был Шейх. Его борода, выверенная до миллиметра, источала приторно-тяжелый аромат розовой воды, под которым проступал запах горячего мужского тела. В его глазах не было ни капли ожидания нежности. Только холодная, считающая оценка. Так торговец осматривал бы мышечную массу купленного скакуна.

— Невеста не хочет замуж?

Его голос скрежетал низкими частотами. Слова рассекали спертый воздух, как удары плети. Гости оцепенели. Музыканты оборвали звук. Сквозь тяжелые пологи шатра сквоз-

няк втянул запах раскаленного песка и еще чего-то... животного страха, может быть. Или металлического привкуса крови. Я знала эту схему. Знала анатомию таких финалов.

Лицевые мышцы вдруг свело судорогой, и я оскалилась. Широко. До напряжения в челюстных суставах, чтобы он увидел все зубы.

— Хочу. Но не сейчас .

Вакуум лопнул. Дядя подавился криком, лицо Шейха потеряло пигмент, а я... я уже впивалась ногтями в шею, рвала шелковую нить. Первая крупная бусина летела прямо в переносицу этому козлу...

В моих воспаленных фантазиях.

А в реальности барабанные перепонки царапнул чужой голос:

— Тост в честь шейха и его новобрачной!

В обычных обстоятельствах этот призыв запустил бы праздник. В роскошном шатре, задыхающемся от ярких тканей и позолоты, разнеслись бы гортанные возгласы, звон хрустали с мятным чаем и вибрация струн. Все это провозглашало бы великую, железобетонную связь двух семей.

Но не сегодня. Уж точно не на моей свадьбе.

Мышцы спины одеревенели. Моя семья отсутствовала — вокруг был лишь вакуум изоляции. Гости сканировали друг друга цепкими, хищными взглядами, обмениваясь ядовитыми репликами. Семья жениха взяла нас в кольцо, напряженная до предела. Воздух прокис от ладана, от этой смеси спаз-

мировало желудок. Даже верблюды у входа нервно переступали копытами, чувствуя, как искрит кислород.

— Тост в честь шейха и его новообрачной! — голос брата жениха разорвал неестественное безмолвие. Глас вопиющего в пустыне. — Пусть ваш союз будет подобен прекрасному саду, где любовь и уважение цветут вечно.

В другой вселенной жених самодовольно улыбался бы в своем расшитом золотом тхобе. Я выдавила бы кроткую улыбку, махнув разрисованной хной кистью — символом моего клеймения. Барабаны швырнули бы толпу в животный транс танца.

Но произнесся тост, брат жениха лишь криво, мрачно ухмыльнулся. Друзья жениха вскинули напитки, буравя нас свинцовыми взглядами.

Жених поднял фужер и безмятежно улыбнулся мне. Зрачки сужены. Абсолютный, спокойный холод хищника, который уверен в своих правах на добычу. И от этого наглого, собственнического взгляда внизу моего живота туго скрутился предательский горячий узел.

Я не ответила. Желваки свело до боли. Под кожей кипел адреналин, требуя сорваться с места, но грудину сдавило такими тисками, что зрение потеряло фокус.

В этот момент я всеми фибрами души, до звона в ушах, сосредоточилась на последнем, отчаянном призыве к Богу. Который либо недосмотрел (а он точно занят?), либо позво-

лил случиться этому немыслимому кошмару.

«О Боже, ты вообще меня слышишь, а?» — молила я про себя.

Сердце било в ребра короткими толчками. Я пыталась протолкнуть в легкие воздух, опустив глаза в пол.

«Если Ты собираешься что-нибудь предпринять, чтобы остановить эту чертову свадьбу, поторопись, или через пять секунд будет поздно! Я точно заслуживаю чего-то получше, чем насильственный брак с мужчиной, похитившим мою... ну, может, не честь! Да ладно, он же украл все остальное! Тебе ведь известно, я отдала все, не просто так!»

Гортань пересохла. Осознав глупость упреков, я судорожно сглотнула и перешла к жалким, лихорадочным просьбам:

«Разве я не стараюсь усердно молиться, хотя бы когда боюсь? Разве я не следовала Твоим заповедям? В нынешних временах это очень-очень трудно, Боже. Ты же сам видел, что творится в мире! Да я, практически святая!»

«Не всегда, Теона», — резанул по синапсам сварливый внутренний голос. Липкий пот выступил между лопаток.

«Ну почти не всегда! — отчаянно оправдывалась я, комкая в пальцах тяжелую ткань платья. — Я бывала в церкви, ну, по крайней мере, когда могла. Ладно, иногда я выбирала оставаться в постели, но кто же нет? И я реально пыталась молиться каждое утро и вечер... почти. Кроме тех случаев, когда засыпала с телефоном. Жизнь-то затягивает! Боже, да

я для тебя искала эту злосчастную икону! — мысль обожгла легкой язвительностью. — Если Ты сейчас мне поможешь, я обещаю больше не быть такой упрямой! Возможно, даже откажусь от пятничных попок!»

В ответ — тишина. Плотная. Давящая. Только гул крови в венах.

«Нет, я клянусь Тебе, — мысленно шептала я, словно подписывая контракт собственной кровью. — Я выполню все, что Ты пожелаешь, сразу же вернусь домой, посвящу жизнь молитвам, и...»

— Брачный договор подписан как положено. Приведите имама.

Голос ибн Рахмана низкий, вибрирующий приказ ударил по нервам. Мой вдох сломался. Сделка с оглохшим Богом разлетелась в пыль. Дыхание превратилось в дикие, панические всхлипывания.

Черт, да это вообще несправедливо! Ни капельки.

В большом зале воцарилась мертвая, вязкая тишина. Дверь распахнулась.

Толпа синхронно, как механизм, расступилась, давая дорогу имаму. Гравитация исчезла. Конец. Рамиль приблизился, шагнув вплотную, перекрывая собой воздух. От него фонило жаром крупного тела и тяжелой мужской доминантой. Я рефлексивно отшатнулась от его физического давления.

Меня накрыло животным отчаянием от необходимости терпеть. Стоять здесь. Соглашаться. Если бы я только пред-

видела, что одно неверное решение обернется позором!

Я стояла, зажатая в эпицентре чужого мира, пока внутри плавилась органы от бушующей паники. Капкан захлопнулся. Я была загнанной добычей. Но где-то в самой темной, девственной глубине спинного мозга я всё ещё цеплялась за упрямую надежду на внезапное озарение. На инстинкт, который подскажет, как вырваться из его рук.

Глава 1

Калининград застыл во времени. Узкие улочки и старинные здания из темного кирпича безмолвно хранили истории прошлого. Я стояла у Кафедрального собора, вдыхая вечерний воздух, густо пропитанный ароматами ранней весны. Запах сырой, оттаявшей земли и влажных почек окутывал пространство, даря обманчивое чувство уюта. Готические башни острыми иглами тянулись в небо, ловя на себя багряные лучи заката, а витражи дробили свет всеми цветами радуги, бросая на мокрую брусчатку причудливые пятна.

Холодный ветерок шуршал голыми ветками в парке, придавая этому месту особое, почти мистическое очарование. И в этот момент прямо над моим ухом раздался тихий, вкрадчивый шепот:

— Загадочно, не правда ли?

Мы не виделись долгие годы, и внезапная настойчивость моего сводного брата ударила по нервам, как ледяной сквозняк. Я почувствовала, как мгновенно закаменели плечи. Между лопаток пробежал колющий холодок, создавая тяжелое ощущение, что в воздухе витает нечто новое и неизведанное. Предчувствие неизбежных перемен.

— Я уже собрал своих ребят, — продолжил Макс.

Его рука по-хозяйски скользнула по моей талии. Длин-

ные пальцы игриво сжимались и разжимались, сминая плотную ткань пальто, как будто он старался поймать ускользающее мгновение. В этом прикосновении чувствовалось скрытое, вибрирующее напряжение, которое передалось мне, как электрический разряд. Не ответив, я продолжала неотрывно смотреть на фасад собора. Пульс гулко ударил в горло. Плечи слегка напряглись до боли, но взгляд оставался прикованным к величественным стенам — я не собиралась доставлять ему удовольствие и отстраняться первой.

— Трое парней. Они не говорят по-русски. Вломились внутрь и пытались снять со стен всё, что попадалось на глаза, — буднично сказал он.

— А свидетели?

— Вечерняя служба только началась, и людей было немало, — объяснил он. — Мы просматриваем камеры, чтобы понять, кто и что. Вломились, как пожарные, пустили дымовые шашки, были в противогазах и перчатках. Ещё один человек, четвёртый, ждал на "бэхе". Люди были в панике...

Я резко повернула к нему голову.

— Ты шутишь, — я в упор посмотрела на брата, и Макс, наконец, убрал руку. Я сделала невидимый вдох. — Поясни? — голос стал сухим и настороженным. — У них была машина и четвёртый сообщник? Сами иконы какого размера?

Макс нахмурился, пытаясь понять ход моих мыслей.

— Полтора на два с половиной метра.

Мышцы лица дрогнули — я едва сдержала усмешку, осо-

знаявая всю абсурдность ситуации.

— Зачем поднимать шум и выгонять людей, если они физически не влезут в машину? Неужели они их на крыше повезли?

Челюсть Макса дернулась, желваки проступили под кожей. Его взгляд из расслабленного стал жгучим, отражая решимость и нарастающее раздражение.

— Пошли, — рыкнул он. Рука снова, уже куда жестче, обвила мою талию, и он уверенно повёл меня внутрь.

Мы нырнули под полицейскую ленту, поднялись по истертым ступеням храма, и он вдруг остановился, криво улыбаясь.

— Платок накинуть не хочешь?

— Ты серьёзно?

— Детка, ты крещённая.

— Макс, что за шутки?

— Смешные, но мы же в храме.

— По делу, — ответила я, стараясь наглухо закрыться от его усмешки.

Мы стояли у массивных дубовых дверей храма. Под ногами скрипели старые каменные плиты, а мы по-детски препирались, не обращая внимания на прохожих. Макс вдруг шагнул вплотную. Наклонился и, шипя сквозь зубы, выпустил облачко пара в холодный воздух:

— Ну, раз ты такая взрослая и не веришь в сказки, пообещай мне кое-что.

— Иди ты знаешь куда... — я всегда старалась не поддаваться его провокациям.

Но его руки крепко, до синяков, ухватили ворот моего пальто, рывком подтягивая ближе к себе, так что я оказалась с ним нос к носу. От Макса исходил агрессивный животный жар, его дыхание оседало на моей коже, тёплые руки придавали моменту пугающую, противоестественную интимность. Я смотрела на его губы и напряженное лицо, понимая, как он любит дразнить — настоящий провокатор, питающийся чужим дискомфортом.

— Хочу, чтобы было страстно и горячо, чтобы ты стонала в голос, — прошептал он с хитрой улыбкой.

Мои глаза сузились в две ледяные щели от раздражения. Я была готова выругаться прямо у входа в храм, где царили тишина и благоговение. Он что, список желаний составляет? Страстно? Горячо? В голос?

— Обещай мне.

— Обещаю громко не храпеть, не пердеть, не молиться и не плевать. Ещё будут просьбы?

— Ужин?

— У меня есть парень, — отрезала я, с удовольствием наблюдая, как его лицо слегка помрачнело.

Мы вошли внутрь, и я сразу начала сканировать пространство. Храм с высокими сводами и мерцающими островками свечей казался величественным и чуть зловещим. Я рассматривала его профессиональным взглядом, выискивая не

красоту, а факты. Древние каменные стены и окна с витражами создавали ощущение вечности. Задумчиво взглянула на брата.

— Почему именно этот?

Макс дернул плечами — мол, не имеет значения. Пришлось неторопливо пройти по помещению, вдыхая густую смесь растопленного воска и ладана. Алтарь, иконы, подсвечники и растоптанные цветы, оставленные прихожанами. Я остановилась, долго смотря на пустое место на стене. Там висела икона, и *только* она пропала. По отчёту — небольшого размера.

— Её же не было у них при себе, верно?

Он кивнул, и его взгляд медленно, почти осязаемо, скользнул с моего лица на грудь и ниже.

— Я надеялся, ты соскучилась. Хотя бы немного...

Я соскучилась? Врет и не краснеет. Он прекрасно знает, что здесь мы по работе. Страховая компания не выплатит ни копейки, пока я не дам отмашку. А я не дам, пока сама всё не выверну наизнанку.

— Хорошо тебе платят за это?

— Не жалуюсь, — усмешка у меня злая, колючая. — На парней хватает.

— Видит бог, не пацаны тебе нужны, а сильный и крепкий мужчина. Имидж королевы подходит для молодых девиц. А тебе подошёл бы другой.

— Какой? — в самом деле, какой? — я внутренне напряг-

лась, готовясь к удару.

— Хорошо удовлетворённой женщины, желательно крепким членом, — глаза Макса заблестели откровенным, грязным вызовом.

Каждое слово Макса, пропитанное инцестуальным подтекстом, висело в воздухе храма. Несмотря на мой смех, в глубине души я чувствовала, как желудок скручивает от нарастающего напряжения.

— Твои слова, да Богу в уши. Я не про тебя, — и в глазах Макса мелькает что-то темное, что заставляет насторожиться.

— Кто знает. Ну так что? Что-нибудь видишь?

Я перевожу сосредоточенный взгляд на величественный свод церкви. Витражи отбрасывали на пол разноцветные пятна, создавая почти мистическую атмосферу, которую дополнял запах старых камней.

Киваю, скорее себе, чем ему. Работать, нужно работать. Люблю свою работу, но сегодня всё кажется каким-то гнилым.

Макс окликает вошедшего полицейского с рацией, и в его голосе прорезается скрытая тревога:

— Эй, ну что с машиной? Нашли?

— Пока ещё нет, — отзывается устало тот, тяжело дыша.
— Наверняка брошена где-то неподалёку.

— Да, возможно на границе, — Макс хмурится, и я чувствую, как его беспокойство темной волной передаётся мне.

— Мы проверяем, — отвечает другой полицейский, нервно оглядываясь, словно это базар, а не святое место. Он обращается к приближающемуся человеку. — Отец, святой отец.

Из-за престола бесшумно выходит священник, облачённый в чёрную одежду. Его лицо выражает смесь озабоченности и печали. В воздухе витает лёгкий аромат благовоний, добавляющий ощущение торжественности. Макс протягивает ему руку, и мужчины обмениваются крепкими рукопожатиями. А мне вот никто ничего пожать не предложил, и я чувствую себя невидимкой в этом клубе тестостерона.

— Кто были эти грешники? — спрашивает священник, и в его голосе слышится скрытый протест.

— Не переживайте, не из местных. Утром пересекли границу, судя по всему, нелегально. Пограничники не делали тщательного досмотра, проехали в фуре, мы допрашиваем водителя. Есть номер машины, — отчеканил полицейский.

Я шагнула вперед.

— Это место уже грабили? — спросила я, осознавая, что я единственная женщина среди мужчин, и в их взглядах читается откровенное недоумение.

— Нет, — помощник Макса ответил с явным недовольством, пока остальные оценивающе смотрят на меня. — Впервые.

— Эта икона бесценна. Её утрата станет большой потерей для России и её культуры, — сказал священник, и его слова, словно облако ладана, растворились в тишине храма.

— Как они собирались вывезти добычу? — спросила я у Макса, заметив, как дернулась мышца на его челюсти.

— Похоже, они планировали переправиться через брод. У них были гидрокостюмы из неопрена, чтобы двигаться вверх по течению, — объяснил полицейский.

— Как лососи, — усмехнулся Макс, но его смех прозвучал натянуто, пластмассово.

Я скрестила руки на груди.

— Мне кажется, что в этой версии есть несостыковки. Ты согласен? — я обратилась к собравшимся.

Священник кашлянул, помощник молчал, а Макс удивлённо поднял брови, как бы приглашая меня продолжать.

— Грабители в гидрокостюмах знают об иконах, но не замечают сигнализацию? Срывают всё подряд, но почему-то не трогают самую ценную, как будто о ней не знают. В какое время её сорвали?

— Пять минут спустя после начала ограбления, — неуверенно ответил помощник, осознавая абсурдность ситуации.

— Они собираются уехать на машине, которая их не ждёт, но гидрокостюмы носят с собой, а не кладут в багажник. Это был их запасной план? Что-то здесь катастрофически не сходится, — сказала я, замечая, как Макс сердится.

Он молчит, но напряжение между нами растёт. Я чувствовала, что он что-то скрывает, и это пульсировало между нами, как нарыв.

— А вы? — священник вдруг протянул сухую руку для

рукопожатия, вызвав у меня улыбку.

О, меня наконец заметили!

— Теона Никонова, — представилась я, пожимая его ладонь. — Я отвечаю за страхование ценных вещей. Не хотелось бы, чтобы начальство осталось недовольным выплатами, верно?

Рукопожатие стало теплее, но я физически ощутила, как оказалась в самом центре липкой паутины лжи и скрытых мотивов. Меня терзал внутренний конфликт: доверять ли Максиму или полагаться на свои профессиональные инстинкты? Инстинкты вопили.

Глава 2

Утром мы несколько раз пересматривали материалы. В тесной комнате царила напряжённая, густая тишина. Второй следователь, тучный мужик, плюхнувшийся в скрипучее кресло, был явно не в духе. От него потянуло застарелым потом и горьким ароматом пережженного кофе, который он пил с явным отвращением. Его язвительное замечание, прозвучавшее хриплым, прокуренным голосом, лишь усилило общее недовольство.

— Уродцы, — бормотал он, бросив на нас усталый, мутный взгляд.

— Удалось выяснить, кто они? — я надеялась хоть на какую-то ясность, мечтая о глотке свежего воздуха.

— Польские наёмники, — он поморщился от горечи кофе. — Нашли их заказ в даркнете. Им предложили приличную сумму: десять процентов вперёд, остальное после завершения. Обычные неудачники. Про хакера ничего не знают.

Я заметила его выразительный сальный взгляд, брошенный в сторону Макса. Немой вопрос: кто пустил сюда "эту неопытную"?

— Почему считаете их неудачниками? — не удержалась я. Он бросил на Макса взгляд, полный предубеждения.

— Не ясно? Мы же их поймали. Они попались!

— Но ведь кража удалась, — я подалась вперед, стараясь выглядеть как можно более невинно. — Иконы при них не оказалось. Они выполнили часть своей задачи, и, по-моему, довольно успешно. Не похоже на неудачников.

Макс, наконец, уловил мою мысль и усмехнулся. В его усмешке читался хищный вызов: «Правда?».

Я кивнула, размышляя вслух и выстраивая схему:

— Кто-то нанимает обычных воров, чтобы отвлечь внимание на себя, а тем временем другой человек, находящийся внутри, крадёт нужную икону. Вся эта паника и дымовая завеса скрывают настоящего преступника.

— Может, ты знаешь, кто это был? — огрызнулся следователь.

— Нет, но скоро выясню. Икона вряд ли появится на аукционах. Её украли по частному заказу, и, скорее всего, она уже в чьей-то коллекции. Есть свидетели?

Следователь потер переносицу.

— Местные, как всегда, ничего не знают. Священник тоже. Но один приезжий видел, — пояснил он с неохотой. — Мужчина сидел в машине и заметил, как они надевали противогазы. Он позвонил в полицию. Было темно, но шанс есть.

— Покажите его.

Мы с Максом направились в полицейский участок. Путь по казенным коридорам короткий, но за эти три минуты Макс успел ввинтиться в мое личное пространство, бросить

укоряющий взгляд и спросить:

— Про парня вчера ты серьёзно? — голос прозвучал глухо.

— Разве это тебя касается?

— Могла бы изредка появляться дома.

Я задрожала от пронизывающей сырости и его тона. В управлении мы прошли через ряд барьеров и оказались в комнате для опознания. За стеклом Гезелла находились пятеро мужчин, а в полумраке нашей комнаты собрались полицейские и свидетель. Я щурилась в темноте, пытаюсь разглядеть свидетеля и напрягая память, чтобы понять, где могла его видеть раньше.

Мужчина сидел в тени. Выглядел просто, даже слишком универсально — темные джинсы и тёплый дорогой свитер, но сразу было понятно: он не местный. Осанка выдавала человека, привыкшего к власти. Черты лица выдавали в нём выходца с Дальнего Востока или, возможно, араба. Густая борода и внушительный рост придавали ему сходство с жестоким лесорубом. Взгляд, полный тяжелой сосредоточенности, был прикован к подозреваемым. За этой густой бородой скрывалась личность, которую трудно прочитать, но разрез глаз намекал на восточное происхождение. Глубокий, холодный резервуар.

— Вот он, — прогремел его басовитый голос с лёгким акцентом, добавляющим пугающей загадочности.

Массивная рука поднялась, указывая на одного из воров, и Макс бесшумно протянул ему ручку с протоколом. Несмотря на видеозапись, требовалось письменное подтверждение.

— Там было темно. Вы уверены? — с нажимом уточнил Макс.

Мужчина шумно, тяжело вздохнул и ещё раз подтвердил свои слова. Теперь у полиции были свидетель и его показания.

Пересохло в горле. Я покинула помещение и направилась к кулеру, чтобы выпить воды и обдумать происходящее. Окно рядом открывало вид на центральные ворота, где в серой каше я наблюдала, как патрульные и гражданские машины подъезжали и отъезжали. Ранняя весна, и голые ветви не мешали обзору. Спустя тридцать минут подошёл Макс, наливая себе кипяток.

— Кто он? — спросила я, полагаясь на инстинкт, который бил тревогу: я была свидетелем чего-то важного, но пока не могла это осознать.

— Киф Ли. Крупная фигура в арабском мире.

Удар сердца. Как только он произнёс имя, всё встало на свои места. Мужчина казался знакомым, как любая другая медийная личность из новостных сводок. Киф Ли... Миллиардер.

— Что он тут делал?

— Говорит, личное. Камеры показывают, что он не поки-

дал машину. Уехал спустя час после приезда полиции. Судя по видео, он с кем-то разговаривал по телефону. Хочешь знать с кем? — Макс глядел с маслянистым интересом, вибрируя от предвкушения.

— Не очень, — сухо отзываюсь я, прячась за пластиковым стаканчиком и не выпуская внутреннее ощущение следа. Внутри уже орала сирена.

Макс явно ожидал другого ответа, но мне точно не хотелось поддаваться на его намеки. Я допивала воду, не отпуская липкого ощущения, что здесь есть что-то гораздо, гораздо большее.

— Он встречался со старым другом семьи. Без лишних глаз. Здесь, сама знаешь, живут люди с разным прошлым, — прервал мои мысли Макс.

В тихих приграничных городках действительно оседали люди со специфическим бэкграундом. Те, кто устал от большой игры, но не собирался прятаться в глуши. Здесь граница между «своим» и «чужим» размывалась, а закон работал по особым правилам.

— Случайность? — я медленно повернула голову и посмотрела на брата, сканируя его реакцию. — Дай угадаю, друг жил в доме прямо напротив церкви?

Максу не понравился мой тон, он качнул подбородком, неохотно подтверждая попадание.

— Он даже не миллионер, а супер-мега. Сомнительно, что его интересует что-то из материального мира. Уровень —

бог, — добавил Макс.

Его голос вдруг упал на полтона, зазвучал глубже, обволакивающе. Он намеренно сокращал дистанцию, заставляя меня вслушиваться не только в смысл, но и в вибрацию его связок. Я знала эту тактику.

— Да что ты? — я неотзывчиво отбила его подачу. — Ну давай посмотрим, чем занимается этот старый друг семьи.

Я шагнула к полицейскому компьютеру, вбила пароли, взламывая несколько уровней доступа в базе данных. Монитор мигнул, выплевывая нужные строки.

— Очень занятно, — усмехнулась я.

Макс навис надо мной сзади, чтобы посмотреть в экран. Его плечо тяжело, почти собственнически мазнуло по моему, а крупная ладонь легла на спинку моего стула, отрезая путь к отступлению. От него пахло дорогим парфюмом и крепким кофе. Мое тело рефлекторно одеревенело. Мы не виделись годами, но я прекрасно знала, чего он хочет. Знала, о чем он думает, глядя на меня. Это было больно, неправильно, грязно. Я отчаянно хотела нормальной жизни, нормальных отношений, а не этой его паутины, которую он плел вокруг меня с подросткового возраста. Я не собиралась идти у него на поводу. Никогда.

— Друг семьи оказался у нас подполковником, — ровным, ледяным тоном зачитала я, игнорируя жар его тела. — Награды за боевые действия на Ближнем Востоке: Оман, Кувейт, Сирия, Ирак, Иран. Живет на пенсии и обожает рыбал-

ку. Я тоже люблю ловить рыбку в мутной воде.

Макс выпрямился, развел руками, но его взгляд остался прикован к моим глазам. Дольше, чем допускали приличия. Клейко. Вязко.

— Это выше нашей компетенции. Ты же понимаешь? Мы не Интерпол, — в его тоне скользнула жесткая, предупреждающая нота.

— А моей — нет, — я коротко кивнула на монитор. — Давай выясним, какую рыбку он ловит.

Я продолжила вбивать запросы. Пальцы летали по клавиатуре, пока на принтер не поползла распечатка. Макс снова придвинулся вплотную. Его глаза блестели охотничьим азартом. Воздух в тесной комнате стал тяжелым, дефицитным. Он промедлил долю секунды, и его рука, якобы случайно, скользнула по моей спине. Жгучее, намеренное касание через ткань. Желваки на моих скулах напряглись.

— Смотри, правда прелесть? — я сунула ему в руки горячий лист бумаги, заставляя отстраниться.

Он слегка наклонился, вчитываясь.

— Да-да, друг семьи — охотник за старинными иконами, — закончила я, заставляя себя дышать ровно, хотя присутствие Макса сбивало пульс.

Он выпрямился, но не отошел. Стоял, сканируя мое лицо, словно пытался вскрыть черепную коробку. В этой тишине отчетливо пульсировало его ненормальное, болезненное желание, которое мне было не нужно. Оно было лишним. Мы

давно не дети.

— Как думаешь, сколько лет он караулил эту рыбку? — нарушила я молчание.

— Предлагаешь вломиться в дом и устроить обыск?

— Нет, — я развернулась, выискивая глазами свое пальто на вешалке. — Её у него уже нет.

Макс пошёл следом. Я чувствовала его массивную фигуру спиной.

— Ты же сама сказала, что этот рыбак поймал рыбку, — гневно рыкнул он мне прямо в ухо.

— Я сказала, что он любит её ловить. У него есть связь с твоим замечательным свидетелем. И всё, — я обшаривала взглядом полицейский улей: звонящие телефоны, потерпевшие, опера. Обычный день.

— Куда я его?

— Теона, на что ты намекаешь? Отвечай, — его шепот стал жестким, вибрирующим.

— Только на то, что они связаны. Это факт, Макс. У твоего Ли алиби, а у его друга?

— Выясним, — он на секунду замялся, и в его взгляде вдруг проступила темная, пугающая теплота.

— Убеждена, что тоже, — я рванула с дальней вешалки свое пальто.

Макс неожиданно преградил мне путь. Кожа на его скулах пошла красными пятнами. Наши взгляды сцепились. Я была на адреналине от расследования, а он... он считывал этот мой

азарт по-своему. Он знал это выражение моего лица лучше других, и сейчас оно его бесило.

— Теа, этот человек сумасшедший миллионер! — процедил он. — У него не просто парочка адвокатов, а целые управления. Он неприкасаемый. Соображаешь? Политические связи на уровне "вышибаю дверь ногой в овальные кабинеты"!

— Ага, — я улыбнулась. Почти кокетливо, чувствуя, как внутри закипает кровь. Такие, как Киф Ли, не садятся за решетку. Но это не повод для моей страховой компании терять миллионы. — И что? Ты полицейский, ты его и лови.

— А ты не будешь? — он шагнул в мое личное пространство. Так близко, что я увидела поры на его коже. — Что будешь делать?

— Отойди.

Голос прозвучал как лязг затвора. Макс медленно отступил, пропуская меня. Я накинула пальто.

— Теона?

— Я верну назад имущество. Мы не будем платить страховку. Это всё. Увидимся позже.

— Куда ты?

Я обернулась уже в дверях, вытаскивая тяжелые пряди волос из-под воротника.

— Поговорю с твоим неприкасаемым уровнем "бог". Думаю, беседа будет поживее, чем в церкви.

Макс сердито, почти зло усмехнулся, глядя, как я затяги-

ваю пояс на талии.

— Думаешь, бросится исповедоваться?

— Думаю, мужчины — болтуны. Особенно, когда на них охотятся. Посмотрим.

Глава 3

Прием в посольстве ОАЭ в формате «а-ля фуршет» был в самом разгаре. В переводе на язык дипломатии это означало два часа пытки: стоять на шпильках без возможности присесть, задыхаясь от тяжелых нишевых парфюмов. Ежегодное мероприятие по случаю православной Пасхи собрало весь культурный бомонд. В этом году выставили православное искусство — идеальная декорация для моей охоты. Среди бриллиантов и шелковых галстуков меня интересовал только один человек.

Упакованная в узкое черное коктейльное платье, я не сводила глаз с Кифа Ли. Буквально сверлила его профиль нагло, не скрываясь. Толпа вокруг него бурлила: чиновники льнули, женщины откровенно липли. В его внешности был мощный, разрушительный контраст. Восточная, звериная агрессия крупного тела, втиснутого в безупречный смокинг. Отталкивающий и притягательный одновременно. Хозяин пищевой цепи.

Я ждала. И спустя полчаса он приблизился. Вплотную.
— Мы знакомы? — его бас ударил по барабанным перепонкам.

Зрительная память у него работала как швейцарские часы.

— Пока нет.

В черных зрачках напротив вспыхнуло нескрываемое, острое любопытство.

— Нравятся иконы?

— А вам?

Хозяин жизни неторопливо, сканирующе прошелся по моему лицу. В уголках его губ застыла жесткая усмешка.

— Некоторые из моей коллекции.

— Надо же, — я склонила голову, делая вид, что оцениваю его щедрость. — Весьма щедро. Но я не вижу новых приобретений.

Мышцы под его пиджаком неувовимо напряглись. Еще один пытливый, тяжелый взгляд.

— Вы знаете, чем именно я владею? — он слегка повернулся, подавшись корпусом в мою сторону. Пространство между нами сжалось.

— Помните своё последнее приобретение?

В воздухе запахло озоном. Насколько он параноик? Чем богаче хищник, тем острее его инстинкты самосохранения.

— Мы точно не знакомы? — переспросил он.

Я растянула губы в безупречной улыбке и протянула руку. По-западному, по-мужски. Никаких поцелуев кисти.

— Теона Никонова.

— Киф Ли.

Его пальцы сомкнулись на моих. Жесткая, мозолистая ладонь. Он не просто жал руку, словно он тестировал мою

реакцию. Оценивал пульс, температуру кожи, склонность к подчинению. Элегантным, небрежным жестом свободной руки он остановил проходящего официанта и протянул мне бокал с коктейлем. Я взяла стекло, не отрывая взгляда от его лица. Сейчас объектом моего изучения был сам Киф Ли.

— Откуда знаете меня?

— Из вашего досье, — добавила я.

Наши взгляды сцепились намертво. Я видела, как в его зрачках мелькают догадки. Брови сдвинулись. Мышечный каркас подобрался, как у зверя перед прыжком. Я завладела всем его вниманием, до последней капли. И от этого осознания внутри меня расцвела хищная улыбка. Он чуть склонил голову, глядя исподлобья.

— Чем вы занимаетесь? — его голос стал ниже.

— Работаю в сфере искусства, — я салютовала ему бокалом, выстраивая между нами невидимый, но прочный барьер. Дергать крупного хищника за усы приятно, но когда он готовится выпустить когти, нужно держать дистанцию. Он не боялся меня. Он лишь изображал интерес. И это было чертовски любопытно.

— Вы что-то продаете?

— Нет.

— Хозяйка галереи?

— У-у-у, — я медленно качнула головой. — Скорее, из области сохранения чужих денег и имущества.

Мозг миллиардера анализировал данные со скоростью су-

перкомпьютера. Я видела, как он мнется. Логика кричала ему уйти, но инстинкты заставляли стоять на месте и буравить меня взглядом. Он предчувствовал угрозу.

— Мое имущество в полной сохранности, — отчеканил он с каменным лицом профессионального игрока в покер.

Мой ход. Я вкрадчиво понизила голос, глядя прямо в чернеющую глубину его зрачков:

— «Источник сущий света, кипение светлости присно священный, не истощаемый, сего умоли разум моей тьмы...»

Слова ударили точно в цель. Он держал лицо, но физиологию не обманешь: зрачки резко расширились, поглотив радужку. Узнавание.

— Припоминаете? — вкрадчиво спросила я. — Они относятся к древней рукописи XII века. Как и икона Богородицы, которая неделю назад была украдена.

Киф медленно вытянулся в полный рост. Подбородок вздернулся. Его взгляд стал кипящим, обжигающим. Он нагло отказывался разрывать зрительный контакт. В этой яркой, пульсирующей зелени его глаз (которые при свете оказались зелеными с карим ободком) я впервые за вечер увидела его настоящего. Без маски мецената. Опасного. Живого.

Я сделала шаг к краю пропасти:

— Вы же не думаете, что страховка покроет убытки церкви просто так? — адреналин ударил в кровь, щеки обожгло румянцем. — Никаких денег не будет.

Температура между нами подскочила до критической от-

метки. Кислород выгорел. Хотелось сократить дистанцию до нуля, потому что в этом невысказанном обвинении крылась дикая, животная опасность — Эрос, смешанный с угрозой. Карты на стол.

— Вы готовы признаться в содеянном, мистер Ли?

Меч занесен над его шеей. Ох, какой же у него был пленительный, невозмутимый взгляд в эту секунду.

— Значит, вы... — Киф одержимо блефовал, но его дыхание выдавало напряжение. — Вы... охотница за редкостями?

На его лице расцвела роскошная, чарующая улыбка мультимиллиардера. Белоснежная. С клыками. Цап! Тело застыло, грудная клетка тяжело поднималась. Я не могла не усмехнуться. Граница между его сексуальным возбуждением и адреналином от угрозы стерлась в пыль. Его разрывало от желания подчинить ситуацию.

— Скорее, за головами.

От его тяжелой, темной энергетики закололо кончики пальцев. Он умел держать удар, но мое клцанье зубами запустило его ответную реакцию сочную, тестостероновую.

— И за чьей же головой ты охотишься сейчас?

Я плавно, не глядя, поставила нетронутый коктейль на поднос проходящего мимо официанта.

— За вашей. Хорошего вечера, мистер Ли.

Я развернулась и прошла мимо него. Намеренно близко. Воздух между нами натянулся до звенящей плотности. Краем глаза я уловила, как дрогнули крылья его носа — он глу-

боко, почти шумно втянул мой запах. Шлейф парфюма, женских феромонов и вязкой, дразнящей опасности.

Шагая к выходу по мраморному полу вестибюля, я спиной, каждым позвонком ощущала тяжесть его взгляда. Он не отвернулся. Он смотрел мне вслед. Это физическое давление на лопатках обжигало. Я знала, как он сейчас смотрит: не как коллекционер, у которого разгадали тайну, а как мужчина, который уже прикидывает, как будет сдирать с меня это узкое черное платье. Этот молчаливый, тяжелый мужской ответ пульсировал в моей крови чистым эндорфином до самой улицы. Раунд остался за мной.

— Хотите сказать, что я в чем-то... виноват?

Бас настиг меня со спины. Он сократил дистанцию почти вплотную. Оборачиваюсь, позволяя лицу принять дежурное светское выражение.

— Нет, я бы не назвала это виной. Скорее элегантной самодетельностью с вашей стороны.

Он оценивает выпад. Взгляд цепкий, сканирующий.

— И много платят за это?

Киф забирает мое пальто у сотрудника посольства. Разворачивает темную ткань, предлагая помощь. Приходится включить леди и подставить плечи. Кашемир ложится на спину, а мужчина оказывается в непозволительной близости — кожа на затылке улавливает плотное тепло чужого крупного тела.

— Семь процентов от найденной вещи.

Мне нравятся доминирующие самцы, но сейчас партия разыгрывается на грани фолла, и это добавляет процессу терпкий привкус. Внимание мультимиллиардера льстит самолюбию. Раунд окончен.

Делаю шаг к выходу.

— Всегда получаете своё? — летит мне в спину.

Бросаю взгляд через плечо.

— Ну-у-у, — не имеет смысла лукавить, он всё равно просчитывает варианты. — Всегда.

Мужчина замер. В его расслабленной стойке читается работа аналитика, сводящего риски. Останавливаюсь, давая ему время переварить признание.

— Рассчитываешь получить меня? — в глазах вспыхивает откровенный мужской интерес, словно я потащила его к алтарю через пять минут после знакомства.

— Очень, — интонация чуть теплее допустимого, но деньги требуют компромиссов. — Надеюсь, вы не против, мистер Ли. Кто знает, может быть, вам понравится?

Фокус сработал. Я оставила зал приемов за спиной, пересекая мраморный пол вестибюля к гардеробу. Тело было расслаблено, мышцы стали податливы, словно после качественного массажа. Эффект от собственной наглости оседал в крови чистым эндорфином. Уголки губ сами поползли вверх. Киф Ли — игрок, не знающий страха. Таких не пронять стандартными женскими уловками.

— Хотите сказать, что я в чем-то... виноват?

Глубокий бас настиг меня со спины. Он сократил дистанцию почти вплотную. Я обернулась, позволяя лицу принять дежурное светское выражение.

— Нет, я бы не назвала это виной. Скорее элегантною самодетельностью с вашей стороны.

Он оценил выпад. Взгляд цепкий, сканирующий.

— И много платят за это?

Киф забрал мое пальто у сотрудника посольства. Развернул темную ткань, предлагая помощь. Пришлось включить леди и подставить плечи. Кашемир тяжело лег на спину, а мужчина оказался в nepoзвoлитeльнoй близости — кожа на затылке уловила плотное тепло чужого крупного тела.

— Семь процентов от найденной вещи.

Мне нравились доминирующие самцы, но сейчас партия разыгрывалась на грани фoлa, и это добавляло процессу терпкий привкус. Внимaниe мультимиллиардера льстило самолюбию. Раунд окончен.

Я сделала шаг к выходу.

— Всегда получаете своё? — прилетело мне в спину.

Я бросила взгляд через плечo.

— Ну-у-у, — не имело смысла лукавить, он всё равно просчитывал варианты. — Всегда.

Мужчина замер. В его расслабленной стойке читалась работа аналитика, сводящего риски. Я остановилась, давая ему время переварить признание.

— Рассчитываешь получить меня? — в его глазах вспых-

нул откровенный мужской интерес, словно я потащила его к алтарю через пять минут после знакомства.

— Очень, — моя интонация стала чуть теплее допустимого, но деньги требовали компромиссов. — Надеюсь, вы не против, мистер Ли. Кто знает, может быть, вам понравится?

Глава 4

Телефон завибрировал на прикроватной тумбочке, разрушая остатки сна.

— Спишь?

— М?

— Радует, что одна.

Каждое слово сводного брата стабильно било по синапсам. Сон слетел окончательно. Звонок был явно не дежурным.

— Что? — звук моего голоса оставлял желать лучшего.

— Хочу встретиться и пообедать.

Обед. Значит, он был в Москве и обитал где-то поблизости. Его манера продавливать свои желания не менялась годами.

— Что с тобой, Макс? Тебя бросила очередная подружка?

В динамике послышался свист дыхания.

— Зачем звонишь?

— Затем! Почему ты никому не сказала о своей встрече? Явилась в посольство, заявила в лоб, что подозреваешь невиновного человека в преступлении, приправила угрозами. Ты с ума сошла, Тео? Кто так делает?

— Не нужно на меня орать, как на подчинённую. Я тебе не секретарша!

— Ты хуже! Ты сплошная головная боль!

Киф Ли не был дипломатом, статуса неприкосновенности у него не имелось. Претензии брата не несли под собой юридического фундамента.

— Знаешь, я не обязана тебе ничего докладывать. К тому же ты прекрасно осведомлён.

— Хватит, Теона. Ты валишь всё дело. Как по-твоему, что он будет делать?

В его тоне сквозило привычное высокомерие. Полиция работает, остальные — помеха на обочине.

— Плевать мне, что он будет делать. Прекрати мне звонить и иди лесом. Никуда я не пойду. Мне нужна правда.

— Хочешь правду? Вот тебе правда. Вы всё затягиваете. Кому это даёт время? Годами ищите то, что можно найти за пять минут. Сколько у вас уйдёт времени, чтобы собрать доказательства и получить ордер на обыск? А он вообще не наш гражданин. Дело передадут в Интерпол. Я же узнала всё за несколько минут. Украл Киф Ли!

— Но зачем ему эта икона?

Я отбросила одеяло. Босые ступни коснулись прохладного паркета. Я пошла на кухню, достала стакан.

— Да откуда я знаю зачем? Мне вообще всё равно. Какая разница. Скука. Развлечение. Он не похож на обычного жулика.

— Ты фактически дала ему возможность уйти из-под нашей юрисдикции!

Я отпила холодную воду, прогоняя сухость в горле.

— Никуда он не денется. Такие, как он, никогда не бегут от вызова и хорошей драки.

— Теона! Ты хоть понимаешь, что играешь с огнём?

— Я большая девочка. Огонь — это по моей части.

— Не мешай нам работать! Больше никаких встреч и провокаций. Иначе придётся привлечь тебя к уголовной ответственности за попытку препятствия следствию. И даже сам Господь Бог не спасёт тебя от неприятностей, даже если ему персонально нужна эта чёртова икона!

Слова брата были лишены привычной бравлады. Звонок был явным маркером: за мной наблюдали. И не только его ведомство. Скорее всего, его попросили передать информацию.

— Я тебя услышала, — ответила я с показательной обидой.

Связь замерла.

— Так как насчёт обеда?

— Извини, Макс, у меня жёсткая диета.

Я сбросила вызов. Стояла на кухне, глядя в пустой стакан. Крупная игра. Я — мелкая фигура на доске. Сигнал был послан: не мешаться под ногами. Но Киф Ли вышел на меня сам. Это усложняло расклад. Если он был замешан, зачем проявил интерес? Ответов не находилось. Ясно было одно: от этого человека так просто не избавиться.

В Третьяковской галерее, в зале древнерусского искус-

ства, было пусто даже в часы пикового наплыва туристов. Экспозиция с иконами требовала определенной оптики — посетители проходили мимо с напряжёнными лицами. Смотрители сидели не в каждой комнате.

— Нравится?

Глубокий баритон прозвучал слишком близко, заставив мелкие волоски на затылке приподняться. Я медленно повернулась.

Киф Ли. Выбор места для встречи был более чем нестандартным, но его появление здесь кричало об одном: он искал меня. На нем были темные джинсы и светлая рубашка без галстука, верхние пуговицы расстегнуты. Базовая маскировка под обывателя разбивалась о часы стоимостью в крыло самолета и крупную, слишком хищную для этого тихого зала пластику тела.

Я кивнула.

— Чем?

Как объяснить человеку с другим ментальным кодом?

— Другой парадигмой мышления. Смотреть иконы — это как изучать чужое искусство, язык и культуру одновременно. Сначала ничего не понятно. Со временем начинаешь соизмерять свою линзу восприятия с чужой. Чтение людей с религиозным мировоззрением, существовавшим до эпохи Модерна.

Он выслушал, чуть склонив голову. Но я видела, что он даже не смотрит на искусство. Его внимание было сфокуси-

ровано на моих губах, на линии шеи, выглядывающей из-под ворота. Под тонкой тканью его рубашки угадывалось напряжение ровное, гудящее.

— Представьте, как сложно нам, людям Востока, — его голос стал ниже. — Хотя у нас есть нечто общее.

Скепсис отразился на моем лице. Что общего? Представления о базовых правах кардинально отличались.

— Мы люди Постмодерна, — произнес мужчина.

Фраза сбила с толку. Это был не светский треп. Он прощупывал меня, ломая лед на интеллектуальном уровне. Но мы стояли по разные стороны корта.

— Что вы тут делаете? Присматриваете новенькое?

— Вы меня в чём-то обвиняете? — он улыбнулся, но улыбка не коснулась его напряженных глаз.

— Нет. Это больше не в моей власти. Скорее, дразню. Любопытно, зачем вам всё это.

Воздух в зале уплотнился. Киф сделал бесшумный полшага вперед. Дистанция сократилась до интимной. Его тяжелая энергетика буквально выдавила кислород из моего квадрата. Я уловила терпкий запах его одеколона, смешанный с чистым мужским запахом разогретого тела. Ему было жарко. И дело было вовсе не в музейном отоплении.

— Хочу пригласить вас на обед.

Его бас вибрировал. В этом предложении не было вежливой просьбы — только настойчивая, голодная потребность забрать меня отсюда. Адреналин начал покалывать кончики

моих пальцев.

— Обед? Вы любите играть с огнём, мистер Ли. Я могу задавать вопросы. Не самые приятные.

Он не отстранился. Наоборот, чуть подался вперед, так, что я почти чувствовала тепло его грудной клетки.

— Надеюсь, вы не на строгой диете?

Ирония ударила точно в цель. Мой брат звонил мне утром с предупреждением, а этот человек уже знал ответ. Простушка.

— На что вы намекаете? Что мне требуется...

— Роскошной женщине это ни к чему.

Слова осели в вязкой тишине зала. Его взгляд скользнул по моей фигуре — медленно, осязаемо, словно он уже провел широкой ладонью по моему бедру. Он больше не скрывал своего желания. За маской мецената пульсировала чистая, ничем не разбавленная потребность подчинить ту, что бросила ему вызов.

Только ли дело в пропавшей иконе? Нет. Кража была нашей шахматной доской, но прямо сейчас он смотрел на меня не как на следователя страховой компании.

— Хорошо, — я выдержала его темный взгляд, не отводя глаз. — Я согласна.

Глава 5

Киф отреагировал на мое согласие сдержанно, но в его позе читалось глухое удовлетворение. Словно эта победа была лишь вопросом времени. Он прекрасно осознавал вес своего магнетизма — того, как его социальный, почти королевский статус и тяжелая мужская энергетика действуют на женщин. Место он выбрал соответствующее.

— Почему рыбный? — спросила я, когда мы оказались за столиком в зале с приглушенным светом.

— Вам не нравится водная гастрономия?

Мне не стоило признаваться, что я в принципе не любила публичные места, появляясь там лишь по долгу службы. В контексте нашей игры его выбор казался тонким намеком. Кто из нас рыбак? А кто на крючке?

Я могла отказаться еще на стадии звонка Макса. Но как было удержаться, когда такой мужчина сам расставлял фигуры на доске?

Официант замер у нашего столика, готовый принять заказ.

— Я буду водку. А моя дама... — Киф выдержал тяжелую, многозначительную паузу. Мой взгляд сфокусировался на его лице. — Моя дама будет земляничным морс. Она пока не употребляет алкоголь.

Челюсти рефлексивно сжались. Я не употребляла что?

Когда официант растворился в полумраке зала, я перевела взгляд с кожаной папки меню на мужчину напротив. Его информаторы работали безупречно.

— М-м, — протянула я. — А вы времени совсем не теряли.

Он скупно, одними губами усмехнулся. Недели было достаточно, чтобы вывернуть мою биографию наизнанку, но такие глубокие подробности... Что еще лежало в его файлах?

— Вероятно, не одна я читаю досье, — я скрестила руки на столе. — Только в моей биографии нет ярких красок, как в вашей.

— Уверен, вам есть, чем меня удивить.

Конечно, было. У меня не имелось аккаунтов в соцсетях, на мне не числилась собственность, и я не слишком любила пустые разговоры.

— Вы скрытный человек, — голос Кифа стал ниже, вибрируя над столиком. Он был убежден, что я веду двойную жизнь.

— Думаете? Мне всегда казалось, что лучшие друзья девушек — это...

— Бриллианты?

— У вас, может быть. А в России — телевизор, — я сморщила нос с показательным снобизмом.

Киф чуть откинулся на спинку тяжелого стула. В его глазах скользнул ироничный блеск. После таких заявлений ме-

ня можно было смело записывать в старые девы без амбиций.

— Одного не пойму, — он изучал мое лицо, словно читал редкий манускрипт. — Вы до сих пор не замужем? Такая шикарная девушка.

Это был мужской мир. Но мы находились не в Аравии, чтобы брак оставался единственным сценарием. Я лишь вежливо, холодно улыбнулась.

— А вы?

— Выбор родителей хочется всегда оттянуть.

— Что так?

Он прищурился. Взгляд скользнул в сторону официанта, несущего напитки на подносе.

— Чем выше статус, тем меньше свободы.

Он сказал правду. Личную, тяжелую правду. Обычные люди выбирали пару по физиологии и чувствам. В мире элит существовала лишь классическая необходимость. Мы были из разных слоев, но этот невысказанный закон работал для нас одинаково. Киф Ли не выбрал бы себе жену по страсти. Это был налог на богатство.

— Так почему? — он не отступал. — Столько потенциальных возможностей. Вы нравитесь мужчинам. Но за деньги вас нельзя получить.

Я обхватила пальцами холодное стекло бокала. Сделала глоток морса. Лесной, прохладный, с густой кислинкой. Что ему было ответить? Что у меня есть сводный брат, больной на голову, ревностно охраняющий меня от любых других

мужчин? Или что никто еще не пробивал мою грудную клетку так, чтобы задеть душу?

— Пожалуй, верно. Только через церковь, — я увела разговор в безопасное русло, играя словами.

— Старомодно, — в его глазах читалось откровенное недоверие. — Это страх потерять контроль? Или недоверие к жизни?

— Точнее, врождённое чувство легитимности.

— Ваша базовая ценность.

Киф угадал. Или знал. Если так — мы были одной крови.

— Можно и так сказать, — я легкомысленно пожалала плечами. — А можно я тоже спрошу? Почему вы так горите жизнью?

Он чуть сдвинул брови, считывая подтекст.

— В смысле?

— В смысле — исполняете любые желания. На Эверест, в космос, на дно океана, куда угодно. Вы уже везде побывали. Пару дней в году хотя бы проводите дома? Наслаждение ваша конечная цель?

Нам принесли заказ. Аромат горячей еды смешался с острым запахом его парфюма. Киф долго молчал. В этом молчании отсутствовала заминка, только взвешивание слов.

— Роскошь палач богатых, — наконец, густо протянул он.

— Она выжигает способность наслаждаться. Нам всё быстро надоедает. Особенно то, что не меняется. Оно мучает нас.

— Как нужда мучает бедняков, — тихо закончила я за

него.

Кто-то назвал бы его зажавшимся принцем. У него были деньги, власть, абсолютный доступ ко всему. Но его ответ прозвучал настолько обнаженно, что грудиноу стянуло от противного чувства уважения. Он признавал свою ловушку.

— Значит, у вас всё — борьба с бессмысленностью и скукой?

— Верно.

Он поднял стопку с ледяной водкой. Стекло запотело от перепада температур.

— За победу над страхами.

Он опрокинул жидкость в себя одним глотком.

Мы начали есть. Я прикидывала, как развернуть вектор беседы к делу, ради которого все это затевалось.

— Но хотя бы объясните, почему? — я пыталась звучать обыденно. — Неужели и в самом деле от уныния? Надоела хорошая репутация? Захотелось не только официальных трофеев, но и тайных?

Он положил приборы. Его взгляд сфокусировался на мне с пристрастием следователя, нашедшего отпечатки пальцев на орудии убийства.

— А вам что в этом главное? — он мастерски отбил подачу.

— Вы о чём?

— О том, что вам, Теона, в вашем деле ценна не награда, а нечто совсем иное.

Кожу на скулах обожгло жаром. Его открытость пробивала броню.

— Вам же нравится поиск. Игра. Преследование жертвы. Вы — охотница.

Принесли десерт. У этого мужчины был потрясающий аппетит. Он поглощал сладость с откровенным, почти первобытным наслаждением, при этом не сводя с меня глаз. В зеленой радужке, за прищуром, горел огонь. Пламенеющий расчет.

На что он рассчитывал? На секс?

— В этом деле редко бывают женщины, тем более такие, как вы, — голос Кифа стал бархатным, скользящим. — Это мужская территория. Никто не любит в игре джокеров.

Я усмехнулась. Мой брат говорил теми же словами, указывая мне мое место. Макс считал, что мужское наслаждение — это «я хочу», а женское — «он хочет».

— Вы правы. Мой брат тоже так считает.

— Похоже, вами руководит не только желание поймать, но и возмездие.

Слышать подобный психоанализ от преступника было физически неприятно. Кожу на затылке стянуло.

— На вашем месте я поступил бы так же. А может быть, даже хуже, — он снова скупой улыбнулся. — Ваш отец был не прав. И брат тоже.

Я допила кофе. Горечь осела на языке. Пора было бросать гранату.

— Может быть, договоримся? — я понизила голос, заставляя его вслушиваться. — Ну, раз я права во всём.

Киф молчал. Он смотрел на меня поверх кофейной чашки, и в этом взгляде читалась снисходительность крупного хищника. Пространство ресторана вокруг нас словно выцвело. Между нами сгустилось тяжелое напряжение, натянутое как струна. Наши взгляды словно склеил невидимый клей. Ему нравилась эта игра. Мне, признаться, тоже, но физиологический отклик на его присутствие мешал сохранять трезвый рассудок. Сейчас мне нужна была железобетонная серьезность.

— Я найду то, что ищу в любом случае, мистер Ли. Так может быть, сократим мои хлопоты и заботы? — я сделала тон обволакивающим.

Я обожала это состояние: когда ведешь партию, не зная наверняка, куда она выведет. А вот Киф, этот чертов мастер контроля, загадочно молчал, всем своим видом показывая, что держит в рукаве козырь.

— Даю слово, я больше не побеспокою вас.

Официант бесшумно возник рядом, убирая посуду и оставляя счет.

— Рано или поздно нагрянет полиция и устроит вам обыск, — я подалась вперед. — У нужных людей появятся рычаги для давления. Может быть, вам выгодно не допускать к игре некоторых джентльменов? М?

Удочка была закинута. И вот сейчас, когда пришло время

расставаться, по моим венам разлился горячий азарт.

Мы вышли из ресторана. На мраморных ступенях Киф сделал паузу. Он чуть склонил голову, темный взгляд зацепился за мой. Зрачки расширились. Он шагнул ближе. Его широкая ладонь легла на мой локоть. Хватка была горячей, уверенной.

— Давайте подвезу вас до дома, — его баритон прозвучал глухо, как обещание.

Губы сами растянулись в улыбке.

— С удовольствием.

Глава 6

В салоне премиального автомобиля повисла тяжелая, гу-
стая тишина. Пульс стучал в висках так отчетливо, что я боя-
лась, водитель услышит этот ритм. Киф ровным, уверенным
голосом назвал шоферу мой адрес. Внутри меня всё сжалось
в тугой узел. Мы ехали в глухом молчании, но мой мозг лихо-
радочно перебирал варианты. Что будет дальше? Неизвест-
ность давила на плечи, волнение накатывало плотными вол-
нами.

Когда мы наконец затормозили у моего дома, воздух в са-
лоне стал невыносимо наэлектризованным. Киф наклонился
ко мне. Чрезвычайно близко. Его горячее дыхание коснулось
моей щеки, заставив кожу стянуться. Я замерла, не впуская
в легкие кислород, потому что совершенно не понимала, что
он собирается сделать. Думает ли он о моем предложении
сдаться? Или в его голове совершенно другие схемы? Каза-
лось, гравитация перестала работать. Я ждала. В этом напря-
жённом моменте весь мир сузился до квадрата заднего сиде-
нья.

— У меня к вам серьёзное предложение, — медленно
шепнул он.

Вот оно. Дозрел. Готов к переговорам. Я мысленно лико-
вала.

— Да?

— Пригласите меня на чашечку кофе.

Первые секунды мозг просто отказывался обрабатывать фонетику. Какой кофе? Лицевые мышцы окаменели. Пульс бил в шею, а в голове билась одна отчаянная мысль: я хочу икону! Это признание должно было стать кульминацией, моментом, когда правда выйдет наружу. Как он мог говорить о банальностях, когда на кону стояли такие ставки?

Я ждала признания о краже или хотя бы намек на координаты тайника. Грудную клетку распирало от нетерпения. Секунды растянулись в патоку, я моргнула, пытаясь сбросить наваждение, но его слова не укладывались в логику. Сосущее разочарование нарастало, заполняя пространство вокруг.

— Кофе? Это и есть ваше серьёзное предложение?

Киф подался вперед, интимно склоняя голову. Его тяжелое мужское присутствие накрыло меня с головой. Кровь застучала в ритме его дыхания. Мир замер в ожидании: его губы оказались в миллиметре от моих, оставляя лишь тонкую границу воздуха между нами.

Его близость обжигала. Она пленяла, вызывая тянущий отклик внизу живота. Каждое касание его горячего дыхания работало как транквилизатор, заставляя забыть о логике и границах. В этот момент обоняние улавливало только его запах, а желание отстраниться таяло, уступая место первобытной, густой истоме.

С каждым мгновением этой близости теснота салона на-

полнялась тяжелой, труднообъяснимой энергетикой. Грудина тяжело вздымалась, и я физически ощущала, как эта связь, скрепленная только его теплым дыханием, становится для меня чем-то важным. Между нами формировалось нечто неподдающееся анализу.

— Верно, Теона, оно самое.

О, конечно, я сделала вид, что не замечаю этого напряжения. Так легко было проигнорировать реальность! Я заставила себя отодвинуться на несколько сантиметров, мысленно списывая реакции собственного тела на гормональный сбой. Инстинкты. Это было неестественно — смешивать профессиональную хватку с личным влечением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.